

XX 101
T

15

1929

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРАСНЫЙ ДЕНЬ В БЕРЛИНЕ. Наверху — демонстрация в Люстгартене, внизу — инвалиды войны с плакатом: «Война империалистической войне!»

МОЩНЫЙ ВОЗДУШНЫЙ ФЛОТ ОХРАНЯЕТ СТРАНУ СТРОЯЩЕГОСЯ СОЦИАЛИЗМА

Сверяемый наскок генеральской китайской опричнины на К.-В. ж.-д. лиш-ний раз напомнил:

Трудящиеся, советского Союза Социалистических Республик, будьте на-чеку, следите за границами.

КАЖДЫЙ НОВЫЙ САМОЛЕТ УКРЕП-ЛЯЕТ НАС.

МЫ СТРОИМ САМОЛЕТ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Издательство Центрального и Московского комитетов комсомола „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“ решило построить и передать Красной армии трудящихся новый самолет „Молодая Гвардия“.

Авторы, подписчики, читатели журналов, издаваемых изд-вом „Молодая Гвардия“, отзываются на наш призыв своей поддержкой и взносами.

Редакция журнала „СМЕНА“ вносит в фонд постройки 25 рублей и вызывает всех своих авторов, всех своих подписчиков, всех своих читателей.

Начиная с этого в каждом номере нашего журнала мы Судем помещать сводки собранных сумм.

Товарищи, направляйте свои взносы: Москва, Центр, Новая площадь, 6, Изд-ву „Молодая Гвардия“, в фонд постройки самолета „Молодая Гвардия“.

Как бы мал он был взнос, он ускорит постройку...

В КОЛОННАХ КРАСНОГО ВОЗДУШНОГО ФЛОТА ВСЕ ЕЩЕ НЕТ САМОЛЕТА „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“.

В кратчайший срок восполним этот пробел

ИНТЕРВЕНТЫ С НЕБА

Усовершенствованные парашютов и то анимации, какое уезжают парашютному делу, военные специалисты Америки и Европы, позволяют предполагать, что в будущей войне сыграют большую роль тысячи парашютов с вооруженными людьми, дождем нисвергающихся на тот или другой участок.

Во время последних испытаний в Сан-Антонио (в штате Техас С.-А. С. Ш.) на парашюте новой американской конструкции быстро спустились на землю в особой бронированной кабине по три человека с пулеметом и в течение трех минут привели себя в полную боевую готовность.

Таким образом, из воздушной флотилии, парашей над лагерем неприятеля, могут по сигналу, буквально, посыпаться бронированные кабины на парашютах, ошеломляющим появлением, пооружившего десанта с неба.

Спускается кабина с самолета при посредстве длинного троса. Небольшой парашют, выталкиваемый самолетом с нагнет. воздухом, может в свою очередь вальт на буксир гигантский парашют и спустить его на землю, между тем как самолет возвращается к своей базе за новой кабиной.

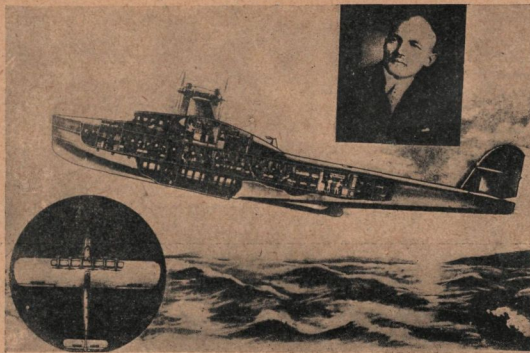
На фотографиях (вверху): 1) американские инженеры по парашютному делу перед учебным полетом, 2) обыкновенный парашют в развернутом состоянии.

ВОЗДУШНАЯ ЯХТА

На днях на верфи Дорние в Фридрихсгафене (Германия) был закончен постройкой гигантский самолет „ДХ“, предназначенный для трансатлантических перелетов. Самолет поднимает 100 пассажиров и 20 чел. команды. Длина самолета 40 метров. Размах крыльев 48 метров. Высота 8½ метр. Самолет снабжен 12-ю моторами общей мощностью в 62 000 лоп. сил. Баки вмещают 1600 литров бензина, 1200 литров масла.

На снимке (слева): в центре разрез гигантского самолета Дорние Х. Сверху—строитель самолета инж. Дорние.

Внизу—вид аэроплана сверху.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛлюстрированный КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ МЛ АДСОЗ

XX 101
1

КОМСОМОЛЕЦ В ЛАПАХ ВОЕНЩИНЫ

„Бычьи глотки“ на параде — так величают французские солдаты своих командиров.

ДВА года тому назад на Урал пришла делегация французской рабочей молодежи. Среди делегатов находился комсомолец Кутейяс.

Кутейяс вел активную работу в комсомоле. Он появлялся всюду, где начиналась борьба. Он выступал на собраниях моряков. Он призывал юных текстильщиков Аллузна к забастовке. Кутейяс говорил о Красном балтийском флоте. Он рассказывал о текстильщиках Иваново-Вознесенска. И всюду, где был Кутейяс, комсомол завоевывал успех.

Адри Кутейяс — стал членом ЦК комсомола Франции. Его выбирают в бюро ЦК. Но вот однажды он получил повестку.

«Вы обязаны явиться в Лунивилль и встать на военную службу в качестве солдата 31-го драгунского полка, в соответствии с уставами таким-то, параграфом таким...»

Адри Кутейяс одел небесного цвета шинель. На голове он носил такого же цвета шапку-пирожок. Кутейяс — стал драгуном. Но он не перестал быть комсомольцем. Вернувшись во Францию, он помнил, что учил Ленин, в кого нужно обращать штык винтовки в случае войны.

В конце апреля товарищ Кутейяс был арестован. Его присудили к 2 месяцам тюрьмы. За что? Об этом солдату не полагается знать. Из затем Кутейяса из казармы начальство думало расправиться с революционным брожением среди войск. Но безуспешно. Наоборот в 31-м драгунском полку вышла стенига вета. Солдаты требовали возвращения товарища из тюрьмы.

Кутейяс переведен в «особое отделение» в город Олерон. Иначе — он помещен в исправительный батальон.

Но имя Кутейяса сделалось известным всей французской армии. Все демонстра-

ции и забастовки, происходившие в течение мая во Франции, связались с лозунгом освобождения Адри Кутейяса.

Спортивная федерация труда организовала 9 июня в Париже соревнование. В знак солидарности соревнование это носило название «имени Кутейяса».

Группа молодых новобранцев в Орлеане при отходе поезда, в котором везли

арестованного Кутейяса, запела «Интернационал».

В ответ на это Кутейяс послан на каторгу.

Первого августа солдаты Франции выступили под лозунгами компартии. Они демонстрировали против империализма, в защиту страны Советов, за освобождение Кутейяса.

«Освободите Кутейяса!». «Первого августа на демонстрацию против империалистической войны» — Первоавгустовский планет Французской компартии и комсомола. В центре — портрет Кутейяса.

РАССКАЗ О ЖАНАХ

Анри БАРЕЮСС

КАДРЫ ИЗ ИСТОРИИ МИРОВОЙ БОЙНЫ. Город (Лувен в Бельгии) после бомбандировки.

ОН ВСЕГДА всех смешил,—этот Мартэн, устоять против его шуток не было никакой возможности. Сидя в маленькой решетчатой клетке, где он продавал публике, он, не переставая заниматься своим делом, все шутил да шутил. Ум этого молодого человека положительно был направлен на комическую сторону вещей, и он успешно изощрял эту особенность, бесперывно выискивая всякие смешные черточки в людях и событиях. Благодаря ему из этого маленького административного центра смех распространялся по всему городу.

И всем это нравилось—и старым людям, и молодым девушкам, и замужним женщинам. В нем было какое-то обаяние. Даже серьезные люди, чиновники и купцы,—и те, ухмыляясь, говорили: «Шут гороховый!». И не пеняли на него за его чудачества.

В противоположность Мартэну Жюль-Вампошчик видел жизнь в черном свете, он словно коллекционировал всякие неприятности и неудачи, не говоря уже о том, что этот брюзга, как и все

вооружены, был одержим анархизмом и красной болезнью. Таково было положение вещей в нашем местечке—прообразе всех глухих уголков земного шара—в тот момент, когда громовой вестью грянуло объявление о войне (как вы, вероятно, еще помните, это было в июле 1914 года).

Мартэн и Жюль пошли на войну вместе, бок-о-бок. Оба они были призваны одновременно и зачислены были в одну и ту же стрелковую часть. Само собою разумеется, Жюль, мрачный и угрюмый, проклинал судьбу и называл войну бойней. Мартэн же еще более повеселел и расцвел, выравнявшись из своей бюрократической клетки, и люди, глядя на него, говорили: «у него такой вид, будто он отправляется в отпуск».

На фронте дело обстояло таким же точно образом. В мерской и всегда грозившей гибелью обстановке войны, где громовые раскаты и ядра словно ошпаривают своих жертв, Жюль селлся рвостнейшим обличителем рэни и даже патриотизма, а Мартэн упорно оставался все таким же отъявленным шутом. Жюль был причислен к смутярянам и был на дурном счету у разукрашенных гаулями господ: ведь, этот человек воспринимал события трагически, ждал солдат и таким образом заставлял их размышлять о таких вещах, которые никогда не пришли бы им в голову. Но после его разговоров появлялся Мартэн и несколькими итскими словеч-

ками расценивал мрачное настроение и отвлекал бедняку протакаю от мысли о своей шкуре. Иногда их натравливали друг на друга, и к великой радости этой убогой публики, мрачный и проклинающий Жюль оказывался под градом веселых стрел своего остроумного противника.

Солдат типа Мартэна, тающий в себе такие неисчерпаемые запасы звонкого смеха, поистине был драгоценен и чудодетствен для нравственного состояния полка. «Что за сокровище этот весельчак!»—равнялся капитан Макерон. «Он может заставить смеяться даже бабам на войне»,—говорил майор Эксинсельдер, который в мирное время был мясником и скотопромышленником.

Однажды Мартэн был ранен в голову. Бац!.. и половина несказанного каламбура застряла у него в горле. Но если он и замолчал тотчас после этого происшествия, то замолчал все же не навсегда. Он выпутался из беды, и чудесным образом выпутался из беды и его нестоиющий шутовский талант.

Талант этот лишь несколько изменил свой характер. Вследствие трепанья черепа в память Мартэна образовались страшные провалы, пробелы, возникла какая-то асимметрия. Иногда он вдруг прилетал к своим каламбурам внезапно всплывавшие из тьмы его подоснания изречения из катехизиса и истории Франции. В госпитале он превратился в человека с неестественно повышенной жестокостью: он проделывал какие-то прыжки, гримасы, обещания телодвижения, которые ошеломляли и приводили в восторг больных, непонимая распространенных на своих койках. Иногда призывали старшего врача, чтобы поздравить его с этим изидем. «Он ошалел»,—говорил врач и объяснял при этом, каким образом одно только радостное возбуждение управляет нервными центрами этого успешного от смерти человека, производя в нем как бы короткое замыкание электрического тока.

● По все вероятности, Франции в это время дозарезу нужно было пушечное мясо, ибо его снова отправили на фронт.

Когда он опять появился на фронте, с маленькой круглой шапечкой на голове, товарищи сразу поставили диагноз: «Он рехнулся». И решили, что куда правильнее было бы отправить его в сумасшедший дом.

Но они не пеняли на то, что его не отправили в сумасшедший дом, потому что теперь Мартэн и на отдыхе, в резерве, и в окопах еще больше забавлял публику вырвками своих веселых причуд. Он смеялся и вызывал в других дружный, неудержимый смех. Несмотря на тяжелые ранения,—а может быть, благодаря именно этому ранению—тело его беспрерывно излучало тягостные в нем тоны шутовского веселья. Он более чем когда-либо служил противоядием от всякого лицемерия и ханжества, и начальство дорожило им, как амулетом, который приносит счастье, а Жюль более чем когда-либо ненавидел войну и был похож на какое-то мерзкое пугало. Да к тому же Мартэн, окрепнув после болезни, добросовестно выполнял свои солдатские обязанности.

В Париже в 1914 году. Отправка на фронт резервистов.

Пленные германцы на французской территории

В 1915 году вспыхнул бунт среди солдат русского корпуса, переброшенного во Францию. На фото — участники бунта в концентрационном лагере под охраной пулеметов.

И вот однажды пошли в атаку. В ту ночь Мартан чьей-то таинственной волей был выброшен из окопа и очутился рядом с Жюлем, который со страшными проклятиями, сжимая в руках ружье, устремился в ночную тьму.

Но когда выступил весь батальон и бедный наш пацан с пробурлавленным черепом вдруг увидел вздымающиеся со всех сторон стены огня и услышал ужасающей металлический свист, от которого некуда было скрыться, рассудок его окончательно помутился. Вне себя от страха он спрыгнул в сторону, вырытую снарядом, откуда не так явно слышно и видно было все, что происходит вокруг.

Атака закончилась полной неудачей. Предпринята она была вопреки всем законам здравого смысла, без всякой подготовки, под влиянием дурного настроения бригадного генерала. В конце-концов уцелевшая в бою треть батальона в беспорядке отступила к покинутому окопу.

Во время перемилия Мартан не отозвался. Его занесли в список убитых.

Но на следующую ночь проходивший мимо патруль нашел его в воронке, где он сидел, скурчившись и делая какие-то страшные гримасы звездам. Сержант, командовавший патрулем, вывел его оттуда и притащил обратно в окоп. По дороге он все время как-то странно подпрыгивал и кричался.

Дело о неудачной атаке приняло, однако, весьма неприятный оборот. К несчастью, об этом пронюхали в высших сферах. Корпусной командир отчитал как следует бригадного командира, а тот, разумеется, свалил всю вину на солдат, якобы зараженных вольнодумством. Славные военачальники очень вкочувались этим разговором и пришли к заключению, что надо принять самые решительные меры.

Мартан был заключен в тюрьму за то, что он изменил долгу гражданина, зарывшись в землю, как трус, в трех шагах от своего окопа, и в ту же тюрьму посадили и Жюля (хотя он-то ходил в атаку и вернулся вместе со всеми другими) за то, что он разжигал дух возмущения в своих товарищах.

Оба предстали перед военно-полевым судом. Жюль, со своим упрямым, желчным, свирепым видом, осмелившийся произнести обличительные слова, был ответственны, и Мартан, который все время не какую-то чепуху и заливался непристойным смехом, сразу восстановили против себя военных судей. Самый

молодой из них усомнился: «А в уме ли он, этот самый Мартан?»

«Да!» — дружно воскликнули остальные судьи. Но, дабы быть справедливыми до конца, потребовали, чтобы это свидетельствовал военный врач, майор с пятью нашивками. И он, ежедневно завтракавший за генеральским столом, определил: «Это несомненно симулянт». Суд приговорил обоих к смертной казни. Впрочем, у суда были на этот счет соответствующие формальные предписания, ибо высшее начальство считало необходимым вполне реабилитировать бригадного командира от каких бы то ни было подозрений в связи со столь плачевно окончившейся атакой. Да к тому же во время подавляющего пример всегда поучительно и полезен.

Мартан равно ничего не понимал во всей этой истории. Он поясничал во все в старинном танцовальном зале, где торжественно заседали судьи, и продолжал в том же духе и тогда, когда обоих осужденных после приговора отвели обратно в тюрьму.

Однако, на мгновение лицо Мартана впервые резко изменилось. В первый раз в жизни он как-будто понял что-то выходящее за пределы повседневных

его понятий и попытался найти этому обяснение. В первый раз в глазах его, улаживавшихся прежде только слезами смеха, вспыхнул какой-то странный огонек; в первый раз они подернулись туманной завесой скорби и тоски.

Только один человек был свидетелем этой минуты: оба приговоренные к казни были заключены в одной камере.

Он, как я уже говорил, никогда не ладил друг с другом. Жюль поднял мятежную голову и увидел, что веселое помешательство Мартана сменяется бредовым состоянием страха.

Мартан сказал ему странным, растерянным голосом:

— Б чем дело? Я ни черта не пон маю. Сердце Жюль озадилось каким-то генеральным прозрением, и он ответил: — Разве ты не видишь, что все это только в шутку?

Мартан сразу поверил, и тотчас же рот его распустился в улыбку, язык стал лепетать, подпрыгивая какое-нибудь остроумное слово, и начавшаяся было трагедия мигом рассеялась.

(Окончание на 3 стр. обложки)

Трупы на трупы. На южно-сербском фронте хоронили убитых в одних и том же месте по несколько раз.

При царизме солдата заставляли воевать не только за царя, за отечество буржуазии и помещиков, но еще и за веру. На фото—поп благословляет воинов перед наступлением.

КОГДА АРМИЯ ОТСТУПАЕТ

Из воспоминаний Г. ВОЙТОВСКОГО

Помещаемый ниже отрывок из воспоминаний Г. Войтовского прекрасно характеризует царскую армию в годы войны: наступления, не подкрепленные достаточными боевыми припасами, сменяются паническим бегством; дерзкимордство командиров, полная несвязность между фронтом и тылом, от которого жестоко страдает солдатская масса...

ДУЕТ сильный, холодный ветер. На много километров по шоссе растянулись обозы, парки, пешие дружины, полтоверы, телефонисты. И опять обозы, парки, двуколки и десятки тысяч людей, одетых в кожанки и шинели. Гул орудий сливается и временами совершенно тонет в скрипе и грохоте колес по шоссе. Пылящие тракторы свирепо ржут голду. Лошадки пугливо апрядают ушами, хрюпа становятся на дыбы. Людяне голоса и конские рычанье презащипают всю эту катящуюся лавину в одно гигантское тело с железной гор-

танью и разгоряченной бешеной кровью. Отжимая бесконечную вереницу тел и воев с самой обочине, мчатся с треском и ревом грузовики, автомобили и мотоциклетки. Навстречу нам попадают обозы с хлебом и сеном, гурты скота. Никто не знает, куда они едут, зачем. Дикие, свирепые крики, толкотня и долгий завор. Два встречных полка из ног, колес и хвостов наседают, лезут, орут и упрямо стоят на месте, друг против друга, как оценившиеся рогами быки. Это солдаты 13-й бригады и сибирские стрелки, только-что выславшиеся в Дембице и идущие туда, где так грозно рычат германские пушки.

— Откуда?

— Из-под Варшавы, из Сохачева.

— Куда?

— Не знаем. Может быть, это — то самое подкрепление, о котором так жадно мечтали усталые полки? А может быть... Может быть, в самом деле немцам готовится ловушка?

Обе столкнувшиеся лавины упрямо стоят и толпятся и во-

же как-то незаметно просачиваются в разные стороны. Достаточно рвануть двух-трех лошадей, чтобы вспыхнула необразимая паника, чтобы паника превратилась в страшное бедствие.

Идет мелкое мародерство. Бесельное, наглое. С обозов снимают торбы, ведра, посуду. Забегают во дворы, шарят в крестьянских избах, гребят дома, фольварки, месочки. И через 20 минут все нагрябленное летит под ноги грохочущему потоку. Бросают все, что берут: сорванные с окон кисейные занавески, плюшевые скатерти, белье, самовары, кастрюли, граммофонные трубы, пластинки, вазы, шетки, горшки... Все это запружает дорогу, трещит под колесами и разжигает жажду погрома. Бросают одно, и снова гребят лежащие по пути дома, и снова бросают...

В обозе кубанских казаков треснуло колесо. Мигом сотни кубанских молодых рассыпались по дворам и по полю и на арканях приволокли десятки крестьянских телет, за которыми с криком бежали испуганные мужики. Кучи солдат, запружая дорогу, столпились, любясь удалю мародеров. Из некоторых дворов казаки притащили на возах растерянных девушек.

— У казачки ноядря на всякую... бабью раздувается,—весело комментируют зрители.

— Шо не русинськи баби так до казак'в ласи,—лукаво подмигивает оборванный дружинник.—Мабуть, вони думают, шо от них і діти такі—з кінем і шапкою оправу!..

Каждая новая победа кубачев на мародерском фронте вызывает общее одобрение.

— Ловко! Казани дремать не будут. Вся дорога усевия по обем сторонам брошены интенданским добром. Группы пресованного сена, овса, муки, консервов, бочки, ведра, мешки. Интенданты упряшивают артиллерийские парки:

— Берите!.. Все равно пропадать... А у вас в щиках пусто... Бросать приходится... Берите.

Но никто не берет. Воруют солдаты и население. Дарить население нельзя, дабы продукты не попали в руки противнику. Солдатам тоже не велено давать — из боязни, что солдаты будут продавать население. Так и валются тысячи тонн пшена, муки, консервов и сахара, обреченные на бесцельное истребление. Интенданты нашей дивизии умоляли завелующих хозяйством взять у него около 3 тонн рафинала. На долю нашей бригады предлагали полтоны. 1200 артиллеристов нашей бригады легко могли бы расовать по карманам и второе больше. Но солдатам давать нельзя, и строго-настрого наказано командирам:

— Под вашей личной ответственностью—никаких попушений!..

*Только хлебопечкари да санитарные транспорты, которые едут пороникаем, ломаются под гудами неожиданной благодати.

Солдаты поглядывают на горы консервов и мешков, охраняемых от покушений казаками, и злобно посмеиваются:

— Лучшее собане брошу, а у солдата изю рта выдеру.

— Сто лет вошь гоная, а начальству все мил не будешь...

Чего это русинские баби так на казакса падко?... Верно, они думают, что от них и дети так сразу гот'выми дачаками рождаются,—верно на кони и с шапкою?

Сотни тысяч бененцев наводняли Россию в годы империалистической бойни. На фото—бененцы в прифронтовой полосе в окидании посадки на поезд.

В одном месте телефонная полурота побросала все телефонное имущество и затрягла своих лошадей в крестьянские телеги, нагрузив их богатой интендантской добычей. Новенькие телефонные дуэлки с телефонной проволокой и просмоленными канатами валялись брошенным хламом. Дивизионному врачу одной из отступающих дивизий стало жалко. Раненых не было. Он припряг к телефонному имуществу заводных¹ лошадей и почувствовал себя Мининим и Пожарским.

— Сволочи,—орал он в патристическом азарте.—Мужички! Ну, разве немец способен на такой?.. Только туловый русский мужик, почитаясь имеющий с патриотизма, толчет сапогами свое добро... К вечеру дивизионный врач был в полном отчаянии.

— Помилуйте,—жаловался он госпитальным докторам,—мне некому, понимаете, некому сдать это имущество. Никто не берет!.. Обращаюсь в штаб дивизии—там отвечают: телефонное имущество нам не подведомственно; обратитесь в штаб корпуса. Штаб корпуса отвечает: у нас нет организации, которая этим ведала.

— Придется бросить... Еще поладишь под суд за мародерство,—сокрушается незадачливый Минин.

Девятый час криво откачивается разбитая армия от Дунайца. А неприятельские орудия грохочут с такой же силой, как раньше. Люди и лошади устали. Раздражение охватывает всех, и чаще вспыхивают враждебные стычки между отдельными частями. Два наших парка с управлением легко опередили тяжелые обозы. Это злит конкурентов. К прапорщику Кузнецову, ведущему головную колонну первого парка, подлетел какой-то полковник:

— Это ваш парк?

¹ Слэпсыльные лошади, плетущиеся без запряжки в хвосте.

АНТИСЕМИТИЗМ ВО ВРЕМЯ ЦАРСКОЙ ВОЙНЫ. Свои неудачи командование русских армий сваливало на шпионаж евреев. На фото—расправа полевым судом со „шпионом“.

Храбрый наш казак Крючков,
Ловить на поть врагов.
Много-ль, мало-ль—не считает.
Их! повсюду подблывает.
Как догонять—не мидует,
Сзади спереди шпигует.
По возможности елику.
Сколько влзает их на пику.

„ГЕРОЙ“ КВАСНОГО ПАТРИОТИЗМА—казак Козьма Крючков, о мнимых подвигах которого кричала печать в начале войны. На фото—один из плакотов, прославляющих „подвиги“ Крюčkова.

— Так точно.

— Что же, вы не знаете, кто я такой?

— Не могу знать.

— Я командант штаба корпуса, к которому и вы теперь принадлежите. Вы не имете права опережать обозы.

— Я не спешу. Мы идем обыкновенным парковым шагом.

— Распорядитесь, господин прапорщик, чтобы нам дали место.

— Впереди мой командир. Я не вправе отдавать приказанья.

— Так найдите вашего командира и передайте ему мое распоряжение.

Кузнецов посканал, а за ним следом помчался полковник. Подлетев к Кордыш-Горещку, полковник закричал:

— Это безобразие! Ваши люди заняли всю дорогу. Распорядитесь немедленно...

— Виноват, господин полковник! Впереди командир бригады. Я не могу отменить его распоряжения.

— Велите меня к командиру бригады,—вскипел полковник.

Кордыш-Горещкий пришпорил лошадь, полковник понесся за ним. Под'ехали к командиру бригады Базунову.

— Это чорт знает что! Я буду жаловаться в штабе. Вы не имете права итти впереди корпусного обоза. К тому же изранили мою лошадь: ободрали ей весь зад вашими зарядными ящичками.

Базунов приложил руку к козырьку и роняет, чуть усмехаясь:

— Откуда мне было знать, что мы имеем дело с таким высокопоставленным обозом и с таким чувствительным залом?..

Полковник умчался, свирело потрясая нагайкой.

Иду обочиною, окруженный толпой дружинников.

Вспруг у края дороги затрещал автомобиль.

! Впереди сбились в кучу, затрудняя движение, дуэлки первого парка. Какой-то седоусый генерал мановением пальца подловил прапорщика Растаковского и приказал, свирепю пуча глаза:

— Расчиствте дорогу! И прошу познергичнее: бить морды пулю в лоб!..

Через две минуты автомобиль беспрепятственно катил по расчищенному

шоссе. Кто-то из дружинников усмехнулся:

— У начальства ирав легкий... Как у машины: нафярчит, насмердит—и ходу...

— Хоть бы порядок какой,—вздохнул другой.

— С начальства не стребуешь,—яловито бросает первый голос.

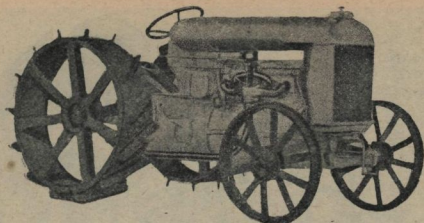
— Против начальства не поспорить,—вызывающе смотрит мне в глаза рослый солдат.—Начальство—что смерть: сама себе выбирает, а до ней не доберешься!..

Вечерет. Люди еле бредут.

„ДВА ДРУГА“—кровавые императоры Вильгельм и Николай—незадолго до войны. В знак любезности императоры обменялись своими мундирами.

ПОДАРОК ШВЕДОВ

Этот рисунок был помещен в шведской комсомольской газете под заглавием: „Так будет выглядеть трактор, который мы подарим русским товарищам“.

Свен Онберг и Олс Самуэльсон прибыли в Советский Союз. Они хотели познакомиться с работой комсомола в условиях диктатуры пролетариата, хотели собственными глазами «пощупать» социализм...

Введем они холили, держась за руки, боясь в сутюлке московских фабрик и заводов потерять друг друга. Оба были беспомощны без повсюду-переводчицы. Они знали только свой родной язык. Когда наши ребята хлопали по плечу старшего Самуэльсона и, глядя ему в рот, спрашивали:

— Ну, как в Швеции, лучше чем у нас?

Шведы моргали глазами. Они отвечали растерянной улыбкой и поподгу трясли руку русским.

— Уверетта... Камаратен !...

И когда подошли «товарищ переводчик», они засыпали его вопросами и требовали перевести каждое ответное слово. ...С группой иностранных делегатов мы были на Волге. Пароход местного сообщения доставил нас из Саратова до затерянной маленькой пристани.

Начинало темнеть. Нам нужно было дойти до ближайшей деревни пешком и оттуда на поездах отправиться в колхоз «Об'единение». Мы шли лесом. Проселочная дорога была извилиста. То тут, то там вылезали пни и встречались ухабы.

Когда вошла луна и по лесу между деревьями потянулись светлые лунные тропинки—мы подошли к деревне. В избе засел комсомолет. Председатель сельсовета, стриженный под скобку, с огромной вклокоченной бородой, встал с табуретки.

— Граждане, к нам приехали заграничные... Што-ж, хорошо. Отложим свои дела. Может кто с ими поговорить хочеть?..

Изва, наполненная дымом махорки и шумными восклицаниями, превратилась в интернациональный клуб.

Но вот с лавки поднялся Свен Онберг. Он одернул клетчатую жилетку и что-то начал говорить. Оказалось, что Онберг задал самый обыкновенный вопрос:

— Сколько в вашей волости машин для обработки земли?

Крестьяне начали переглядываться. Председатель встал и, откладывая по пальцу, начал перечислять.

— В Гаврюшине—саялка, в Чельдаке—сноповязалка, в коммуне «Об'единение»—трактор...

Он не перосчитал всех пальцев и, опустив руки, точно стесняясь за бедность, сказал:

— Откеда взять их, дружок, машин-то... Денег нема. Вот про то и организуем артели, да коммуны. Сообща хотим строить жизнь. Нелегкое это дело...

Он говорил медленно, уверенный, что так его лучше поймут.

... Три часа мы ехали на подводах в святающую лунную ночь. Возницы пели заунывные песни, а когда голоса охри-

пли, один вытащил из-под сена гармошку с бубенцами и стал наигрывать «Саратовские»...

В коммуне «Об'единение» мы прожили два дня. Спали в избах коммунаров, ели вместе с ними и ходили на поле молотить хлеб и складывать солому в ригу.

Белые лица шведов порозовели. Они уже начали поить мать отдельные слова по-русски и в случае нужды не кричали — Уверетта!

А сами пытались понять.

Коммунары подружились с иностранцами. Уже привыкли к особенностям каждого. Радовались вместе, когда удавалось нагрузить больше снопов на воз и когда трактор срывался с места, тогда взнузданный конь, под опытной рукой тракториста-шведа.

Прошло несколько месяцев. Иностранцы уехали на родину. Быть может, след dela выбили из головы у многих воспоминание о лунной ночи в саратовских степях, о бородах сельсоветчице, об «Об'единении».

... Олс Самуэльсон шел по улице Гетеборга. Узенький улочник портового города был на редкость шумным. Даухэтажные дома с черепичными остроугольными крышами казались точно вылепленными из камня. Гладкие белые стены были залиты солнцем.

Олс заметил на противоположном тротуаре кучку людей. Они рассматривали что-то на стене. Олс присоединился к ним и увидел плакат.

ВОТ ЧТО ХОТЯТ СДЕЛАТЬ КОММУНИСТЫ ИЗ НАШЕЙ РОДИНЫ!

На плакате были помещены фотографии, изображающие голодающих детей Советской России времен 1921 г., разрушенные железнодорожные мосты и дома периода гражданской войны...

Этот плакат был выпущен фашистами Швеции.

— Вот сволочи,—пробормотал Олс. Он вспомнил виденье в Советском Союзе...

Вскоре Олс Самуэльсон поделился с товарищами своей мыслью. Вместе они решили должным образом ответить на предельки фашистов.

И вот через несколько времени в городах Швеции повсюду появился огромный плакат: «Социалистическое строительство в Советском Союзе». Плакат привлекает огромное количество прохожих на улицах рабочих окраин городов Швеции.

Комсомошцы Швеции читали в газетах, что в СССР установлена пятилетка. Революционные мечты воплощаются в жизнь в стране Советов, несмотря на трудности, потери и препятствия.

— Мы должны знать советскую пятилетку! — так постановили шведские комсомольцы.

Теперь в Стокгольме, Гетеборге и других городах на комсомольских ячейках изучают трудности реконструктивного периода СССР, с трудом выговаривают такое слово, как «Днепрострой» и поэтически восклицают — «Волга-Дон!»

Шведский комсомол имеет шефов в Советском Союзе. Это—комсомол Вятки. Однажды вятские комсомольцы приехали в Стокгольм маленькую синенькую книжечку. Она рассказывала об опыте работы вятских комсомольцев по организации коммун и колхозов.

— Необходимо оказать практическую помощь комсомолу Вятки! — решили шведские товарищи.

К МЮД'у шведский комсомол готовит подарок комсомолу Вятки.— т р а к т о р.

Трактор стоит 3 тысячи крон. Лозунг шведских комсомольцев: Собрать три тысячи крон в кратчайший срок!

Таков пример революционной солидарности Скандинавского комсомола.

Генеральный секретарь ЦК комсомола Швеции тов. Фритиор Лагер.

С. Черня

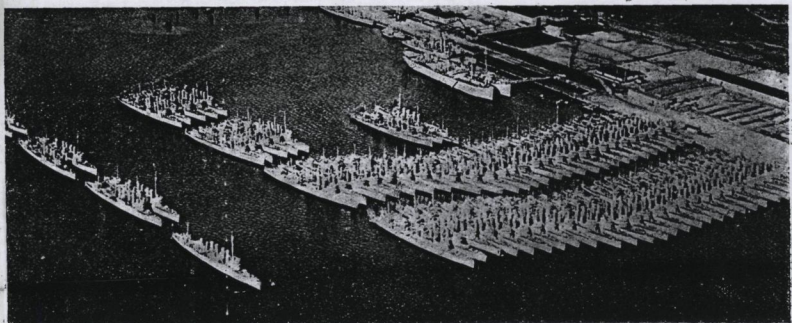
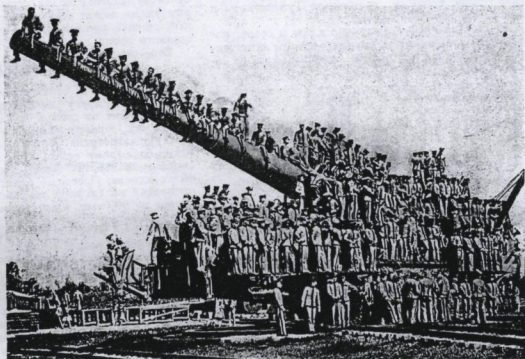
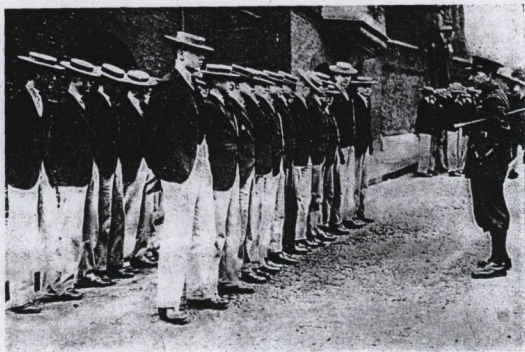
Переводите, товарищи...

ПОД ШУМОК

**КОНФЕРЕНЦИЙ О МИРЕ—
международный империализм
вооружается, международная
буржуазия милитаризует свою
молодежь.**

На фотографиях этой странички лишь отдельные моменты, иллюстрирующие подготовку буржуазии к новым войнам: парад американских морских кадетов (фото вверху); обучение английских и японских „гимназистов“ военному строю (фото вверху справа и внизу). На остальных фотографиях: 1) курсанты в Вест-Пойнте (САЩ) у нового гигантского орудия после упражнения в стрельбе из него; 2) эскадра истребителей в гавани Сан-Диего (Калифорния).

На строительстве Турксиба. Рабочий городок Дала-Кайнар, выросший на 3-м участке Турксиба и являющийся штабом строительных работ этого участка.

На очерков о пятилетке

РЕЛЬСЫ НАСТУПАЮТ

Очерк БРЕСТСКОГО

СЕГОДНЯ

Наш крайний юго-восток. Отроги обрывистого и скалистого Тянь-Шаня и безграничные, бескрайние степи Казахстана, те, что залегли сотнями километров между знойным, солнечным Туркестаном и снежной, холодной Сибирью.

Еще сегодня здесь — кочуущие юрты и стада, колымажущее море травы, старые, веками освещенные обычаи, тишина и полное бездорожье. Еще се-

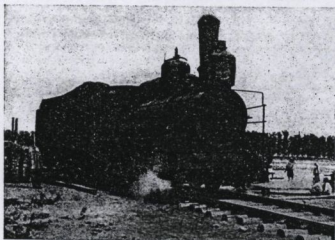
духе реют серые самолеты: это с высоты сотен метров меряют и фотографируют землю, выбирая удобный путь для последнего участка новой, первой в этих краях железной дороги. А внизу уже давно суетятся тысячи рабочих, серыми и черно-блестящими штабелями лежат шпалы и рельсы, и стальной тонкой лентой протянулись сотни километров проложенного пути.

Это — сегодня.

ЗАВТРА

Осенью 1930 г. сожмнутся с юга и с севера идущие друг к другу навстречу рабочие партии, и прочно ляжет по степям и склонам Тянь-Шаня новая дорога, превратившись в великую железнодорожную магистраль — Сибирь — Туркестан. И оживут тихие безлюдные степи. Там, где сегодня еще пахнут омчаром, появятся 75 тыс. гектаров новых образцовых совхозов. Посевные площади вырастут к концу пятилетия на 1,5 млн. гектаров, и продукция зерна пойдет до 800 тыс. тонн: Казахстан станет зерновой базой Советского Союза.

Но этого мало. Бесконечные, сплошь и рядом беспризорные казакские стада тоже «заминуют» правильную жизнь. Вместо карликовых кустарных кожевенных заводиков, где при обработке кожи «дымовым способом» погибает 50% сырья, вырастут в Семипалатинске и Альме-Ате мощные кожевенные заводы на сотни тысяч кож в год, и по всему Казахстану задумают трубы заводов по переработке продуктов животноводства, утилизации костей и других отходов для удобрения, чтобы пойти на хлопковые плантации Туркестана. Начнется сбор шерсти и конского волоса, чтобы через Северную Карскую экспедицию уйти на английский рынок. Окрепнет и начнет быстро расти и шириться новая кендырская промышленность, которая из дикого саянца растения — кендыря — даст тонкую ткань и музыкальные струны, шпагат и канаты, обмотку для электрических проводов и взрывчатые вещества. И, наконец, в Семипалатинске вырастет оборудованная по последней

Недавно закончен северный участок ж.-д. магистрали между Сибирью и Туркестаном. На фото — первые паровозы на левобережье Иртыша.

го дня большинство крестьян не знают сельскохозяйственных машин и сплошь и рядом пахнут «омчаром» — деревянным плугом, с громадным трудом кое-как ковыряя ни землю. Но уже сегодня разстрожены эти бесконечные степи. Высоко в воз-

Там, где пройдет Турксиб. На фото — обоз с керосином на старом Семиреченском тракте.

ское время скопичной кой эксплуатации зал: «Россия ио первое место в м и Пророчество Урка мирового рынка гл. Казахстан.

СМЫЧКА

Новая дорога с этом соединении — новая дорога шел фабрики недостаю Сейчас наша ст лионов руб. золот плачивать америк мый к нам хлопко приходится засева тные поля, с танко от солнца и пескал переплачивать втроем путем, черевт ним из Сибири. Ней-их мякловенной п лях, которые сме хлопка, растут рискр Новая дорога нт бирком хлебом: пр Туркестану 1 млн. р Новые же рисовые ку по берегам Чу и И

СХЕМА СИБИРЬ-ТУРКЕСТАНСКОГО Ж.-Д. ПУТИ НА УЧАСТКЕ ШЕ...

И все это, вместе с углем, даст возмозн хлопковые плантат чий горячий песок, а чатником.

Так этот, почти ич и Западной Монголии своим богатствам, вост и Франции, соединя до к жизни строящей С сверхмагистралью К

СТРАНА БЕЗГРА...

Вторая великая ва перпендикулярно па Москвы до Новоси метров она переверт оны. Урал и громадо

Трудно даже вери Тут лес и пушина, в Западной Сибири, в Алтай, торф сибирс фрам и молибен, вди леки Прикамья, жос миллиарды тонн углн

состоя часть того, что себе полевые, чини Потому что не сра величайшего в мире в бассейна в Сибири, чашине в мире валу случайно, наконец, и

Можно смело снать нам новые оти

лионы на хищнических, как-то скаже время завсевать цветных металлов». и в этом завсевании олжен будет сыграт

ПЕБА И РИСА

рь и Туркестан, и в авенда для будущего: наши текстильные

т по хлопку. 100 миллн каждый год переишениками за влзвн-останских лехамм с рисом их оршен-трулом отвсввание о не могут дехне хлеб, который кружвопольне, приходит к прожить и без риса—й-новей на тех по-и предназначены для

ркетан дешевым сити-ным путем она дт прского хлеба в год. рожденные дорогор, иханам дешевый рис.

СИБИРСКАЯ СВЕРХМАГИСТРАЛЬ. Обозначено — сплошными жирными линиями существующие — участки, где будут построены новые дороги, кроме того, вердлоз будет проложен второй путь на существующую однупуте.

м лесом и кузнечикм неко расширить наши лесы отовлвинуз сыпу-ло пушисто-белым хлоп-чае район Казакстана ечно разнообразный по ещиди равный Италии ести,—будет разбужен дорогор—этой первой Сибирь—Туркестан.

О ВОЗМОЖНОСТЕЙ

ь пятилетки вытнется запада на восток, от а многие сотни кило-еверо-восточные рай-ятную Сибирь. богатства этих районов. ичь, пшеничные поля не и свинцовые руды волото, платина, воль-а в мире калийные аз-ды Урала и, наконец, са. И все это—только ительности содержат в громадного края.

ыло открытие в 1921 г. ого каменноугольного айно нашли мы вели-камского камня. И не уральской нефти. икадый год будет прино-той, поистине, еще не

открытой нами стране, открытия, которые по свсему значению сплшь и рядом будут выходить не только за пределы свсего района, но и за пределы СССР, приобретаая мировой характер,—потому что мировую сенсацию вызвало известие об открытии соликамского камня; мировое значение имеет и находка уральской нефти, потому что есть полнсе основание утверждать, что первая скважина в чувосских гор-родках—только маленькая нефтяная точка на громаднм нефтяном месторождении, которое занимает все пространство между Волгой и Уралом.

СИБИРСКАЯ СВЕРХМАГИСТРАЛЬ

Весь этот громадный район со своими степями, лесами, реками и богатствами всем своим чудесным весом висит на узкой ленте рельс Еликого сибирского пути. И когда смотришь на карту района, становится до очевидности ясным, что судьба этой стальной полсы есть судьба громадного, богатейшего края. Пережьте эту дорогу, разрушите ее,—и край уснет мертвым, непробудным сном. Развейте ее, сделайте ее более мшной и сильной—и край потянется за ней, начнет расти, просыпаться, встает на ноги и одну за другой открывает двери своих сокровенных подземных кладовых.

Еот почему именно этот путь и решено превратить в сверхмагистраль уже в период нашей первы, ближайшей пятилетки. Но если в Казакстане нам приходится для этого прокладывать новую дорогу по безволной степи и горным кряжам, то здесь за-пача прше и легче.

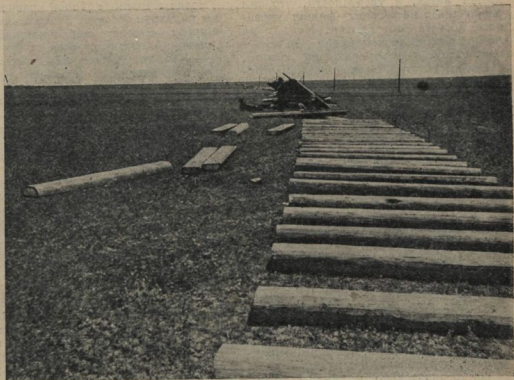
Туркиб пробивает себе путь. На фото—варьи сального грунта для производства выемки под полотно.

чтобы покрыть недостаток в нем потребляющей полосы Европейской части Союза. А это даст возможность пшенице Украины, Сев. Кавказа и За-волонье пойти на экспорт и тем отвсвать утерян-ные нами позиции на мировом хлебом рынке.

Сибирская магистраль, соединив дешевым путем Кузбасс и Урал, создаст громадный Урало-Кузнеч-ный промышленный комбинат, в котором кузнечные заводы будут питаться уральской рудой, а кузнеч-ный угол влдохнет жизнь в голодающую сейчас по топливу уральскую промышленность.

С другой стороны, позволив Кузбассу дешево вывозить свой уголь, магистраль даст мощный тол-чок промышленности Кузбасса, создав здесь метал-лургические заводы и химические комбинаты.

Короче говоря, только при осуществлении этой сибирской сверхмагистрали возможен тот размах промышленного роста Урала, Западной Сибири и Кузбасса, о котором мечтает наша пятилетка.

Километр за километром взрается в степную ширь полотно нового железнодорожного пути.

В лагерях. Купание коней.

В ПОЛОТНЯНОМ ГОРОДЕ

Очерк ОРЕСТА РОВИНСКОГО

В ТОТ ранний час, когда жители Москвы еще спят, когда дворники приступают к очистке улиц, в этот час, в нескольких километрах от города, в невидимом с воздуха полотноном лагере, в тени молодых деревьев, на солнце, на воздухе закипает замечательная жизнь. Звук рожков, протяжный и тревожно-настойчивый, будит ее.

Прерывистой цепью в синих трусиках бегут по аллее. Впереди высокий, атлетического телосложения. Он ритмично размахивает согнутыми в локтях руками, размеренно дышит и уже не оглядывается назад, в уверенность, что все равно никто не обгонит—финиш утреннего пробега был близок. Но вот на повороте мимо пронесся один. Он весь—напряжение вдутых мускулов и воли. Высокий отстал. Взволнованная улыбка сменила дремлющую горделиво-спокойную. Упала энергия, погасло желание. Он пропустил мимо себя еще несколько человек и, отбежав в сторону, лег на землю; в глазах его все поплыло.

А вот отставшие. Струйки пота на их побронзовевших спинах стекают за намоченные трупы. Позади всех, пошатываясь, бежит маленький, худенький. У него одно только желание: не отстать вовсе, последним, а прибавить... Силы оставили бегуна. Он дышал широко раскрытым ртом, ноги на спусках передвигались, как заведенные, на небольших по'емах оттагивали корпус назад. «Неужели не добегу? Не может быть!»—говорили круглые, затуманенные усталостью глаза.

Высокий, отдохнувший, бежал, не торопясь и не напрягаясь.

— Верись за меня, догоним!—крикнул он, поровнявшись с худеньким.

Тот отрицательно махнул головой. Высокий продолжал бежать рядом.

Худенький, покраснев, взялся, наконец, за пояс, и оба побежали быстрее.

обгоня отставших. Десятым и одиннадцатым они пришли к финишу. С песней в роту. Звонкая дружная песня бойрила, новой силой наливала обмякшие мускулы.

Ротные деналатки, открытые эстрады, кино-площадки участки за решетчатыми изгородками с цветочными клубками, столами и беседками для занятий, хорошо оборудованные полковые клубы с библиотекками и радио разбросаны повсюду лагерю. Они центры просветительно-воспитательной работы. В них оформляется классовое сознание красноармейского молодняка.

Возле эстрады с группой красноармейцев политурук беседует по крестьянскому вопросу. Беседа идет живо. Вопрос большой, затрагивает всех.

— Кто такой бедняк?—спрашивает руководитель.—Вы отчаянно зеваете! Давайте!

Но прежде чем сонный красноаремец раскритикует рот, другой бойко ответил:

— Тот, который служит опорой партии в деревне.

— Общая фраза. Давайте разберем. В чем сущность бедняка?

— Маломощность хозяйства, пролет свой труд,—ответило несколько голосов.

— Кто сказал лентяй и пьяница? На заднем скамье поднялся мрачного вида красноаремец.

— Я сказал.

— Ну, вот вы ответьте ему.

Вызванный красноаремец покрыл товарища фактами.

— Вот у меня брат, десять человек семьи, один другого меньше, одна лошадь, три овечки—бедняк, а рядом живет пьяница-сердяк. У него шесть человек семьи, четыре работника. Работают и в городе и в хозяйстве. На дворе скота много. Все время урочай.

— А ты что думаешь, среди бедняков допрыдней нет?—ехидно спросил угрюмый красноаремец.

— Как нет! И среди рабочих штрейк-брекеры есть. Крест и лопату из одного дерева делают...

— Разрешите мне сказать?

— Ну говори,—руководитель доволен активностью аудитории.

Красный от смущения красноаремец, путаясь, говорит.

— Наша партия политику велит не в капитализму, а, наоборот, добивает этот капитализм. В деревне существует бедняк потому, что у нас не социализм. В отдельности каждый индивидуальный бедняк...

— Ну, Карла Марк поехала...

Даже угрюмый красноаремец и тот улыбнулся.

В окрестностях лагеря обучаются военному искусству все роты войск. День и ночь на земле и в воздухе продолжается эта учеба.

Вот связисты тнут телефонный кабель, тащат и устанавливают телефон, машут белыми и красными флажками, бегают с донесениями. Все дисциплины летом прохлят на практике, соревнуюсь друг с другом. Одно отделение на сто шагов протянуло кабель, но, прежде чем включить телефон, 45 минут подвешивало кабель на деревья. На фронте такое промедление было бы преступно. Другое отделение на такое же расстояние установило связь в 10 минут. Там поправляют мешковатого связиста. Он до сих пор не научился двум вещам: быстро бегать и шунтировать звонок у индукторного телефона при помощи ключки, а придеркивал молоток звонка пальцами. Другой смешило перервал словесное донесение. Вместо «Противник отступил за реку»—передал: «Противник отступил на реку».

Недалеке саперы строят через речку мосты: пешеходный для колес и переплетный с подвесной балкой. Учатся владеть топором. По только что отстроенному мосту проходит группа снимающих на бумагу местность. У каждого планшет с компасом, линейка и карандаш. Визируют направление и условными знаками тщательно наносят на бумагу местные предметы. Получается подробная, крупного масштаба, карта. И здесь, как везде, шутки и смех перебиваются с серьезным делом учебы.

— Мост наносит, тов. командир?

— Наносит, конечно, раз он есть.

— Да он же здесь не к месту, учебный, без дороги.

— Семка тоже учебная.

— А вот того? Он сейчас тоже временный местный предмет. Штунтик указал на красноармейца. Он стоял по колено в ружье и стирал пожелтевшее белье, потряпая и тут же на траве высушивал,—только про него знак не придуман...

В тире стреляют из мелкокалиберной, в воздухе несомненно столкновения самолетов—эти звуки здесь привычны так же, как привычны москвичу шум и лаг на Таверской.

Командир решил своеобразно начать тактическое учение. Выждал момент.

— Ложись-ищи!

Вольно шедший по дороге взвод, как от взрыва гранаты, метнулся в пригородные канавы. На дороге стало пусто и тихо. Это над гололой пролетел прицельный самолет.

Командир придвинулся на локтях. Все насторожились.

— Товарищи, разведка донесла, что застава противника находится возле той будки. Наша задача—выбить противника и занять будку.

По одному начали перебежку. Отделения постепенно расходились на интервалы. Ползли на животах, по-пластунски. На босых рубцах останавливались и открывали по будке условный огонь. Под прикрытием огня соседи провиглялись вперед. Недалеке от будки, когда двигаться без больших потерь стало (должно стать) трудно, произвели в закрытом месте накапливание. Оставшие полтаулись. Наступил до жути волнующий момент. Все как бы срослось с землей в ожидании. Пулеметы развили беменный огонь. Но вот поднялся командир. Огонь прекратился, и взвод с криком «ура» пошел в атаку.

Будка взята. Закрепив позиции, преследовали противника. Затем разбирали учение. Критиковали не только друг друга, кто как делал перебежку, но и командира, почему он не назначил направляющего отделения, из-за чего все отделения двигались вразброд.

Красноармейцы во время маневров проводят общественную работу в деревнях. На фото схвачен интересный момент: «Где председатель совета?»—«Я—председатель сельсовета».

На маневрах. Переправа на „поплавке“.

Учеба в лагерях проводится под боевым знаменем социалистического соревнования.

Соревновательные договоры заключают между собой части вплоть до мелких подразделений и даже отдельные красноармейцы. Цель договоров — к 1/VIII т. г. добиться: полного отсутствия антиморальных поступков (пьянства, самовольных отлучек, неисполнения приказаний, пререканий с комсоставом и проч.), выдержанности, отличного нешения нарядов, повышения качества политучебы и стрелковой и тактической подготовки. Благодаря большой активности, проявленной всеми красноармейцами, соревнования не превратились в казенную переписку с очковитательством, а, разбудив творческую мысль, стали средством боевого совершенствования и социалистического воспитания.

В клубах появились доски: «Наш полк на социалистическом соревновании». Доски регистрируют ход соревнований, отмечают достижения и недостатки. Так, в первой роте Н-ского полка: 1) доби-

лись минимума кухонных хлебных отбросов; 2) нет вовсе самовольных отлучек; 3) повысилось качество боевой стрельбы (1-е упражнение выполнили 63%, 2-е—68%, 3-е 75%); 4) выписано 16 газет.

И там же: караул два раза спал, на складе часовой Петухов один раз дремал, а другой раз силел и курил; 2-я и 1-я роты каждый день устраивают состязания по... бегу на обед.

Соревнуют воинские части не только между собой, но и с гражданскими организациями. Одна рота заклю-

чила договор с рабочими типографии «Красный Пролетарий».

В ответ на достижения красноармейцев рабочие к концу года обещали: увеличить пропускную способность типографии на 10%; поднять производительность труда на 12% против 1928 г., а вместо намеченных по промфинплану 8,8% снизить себестоимость еще на 50%; снизить брак и пр.

«В итоге всех мероприятий,—говорит договор,—за оставшее до конца года время мы должны получить экономии до 75 тысяч рублей».

В тот поздний час, когда город еще светится электричеством в стенах и улицы шумны,—в этот час полотняный город спит.

Веселый марш. После уборки с песнями по лагерю.

ТЯЖЕЛАЯ ВСПАШКА

(Внимание не только комсомольцев Замоскворечья)

Очерк М. ГРЕНА

Эх, нехорошо!

— Стянула, говоришь?
— Еще как! Насквозь его тогда брали—хоть и пьян был, а смаялся, куда глаза глядят...

Слурует запах кож, сложенных кипами в нескольких шагах. Но Чернов привик—он уже не первый год работает на заводе. Сейчас его перевели учеником на склад—он оторвался на пару минут (трудовая дисциплина!) от ордеров и счетов и расказывает с приятной светлой улыбкой.

— Наш собственный, из ремешов. Так это еще прошлым летом было. Написали зашел в этот большой парк¹, ну, как он называется... Мычит, ругается. А там гулянье—парни, девчата, все трезвые. Вот накинудись, вот накинудись! «Эх, говорит, не красиво—рабочий, молодой парень, свой завод срамит», да то, да се. Поверишь—больше его пьяным не видели.

— А другие как?

— Нет, с молодежью у нас обычно оооо. Выпивает кое-кто, ну не очень. А на завод не показываются. Правда, тот год повсюду бывало. К нам, знаешь кто идет? Сырые, ведь, ребята: приехал из деревни, что-нибудь там саложничал—ну, значит, на бирку, кожевник—и готово дело. Поди-ка, обрабатывай. Вот еще один, тоже из ремешов, в доску напился, ввалился в клуб, бузит. Опять же свои комсомольцы понесли, прочистили, как следует,—убрались. Так—ничего.

— А старик?

— Да, браток,—вот это похуже буздет...

Тихие радости москворечие

Знаменитый район—Замоскворечье. Зацепа, Зарядье, Циплок, Валчуг—татарская старина и российские древности. Замечательны только что возведенные здания Научного института по удобрениям и почво-телеграфу рядом с десятилетиями, сотнями убогих домишек, переживших замечательные исторические сроки. Немалая доля московской промышленности—и, наверное, не меньшая, если не большая, московских церквей и пивных. По всей Москве на 100 тысяч

жителей приходится 16 церквей и 39 мест продажи спиртных напитков. В Замоскворечье, насчитывающем около 300 тысяч жителей,—63 церкви, одна синагога, две мечети, пять сектантских общин, а с другой стороны, до 130 пивных, столовых с пивом, магазинов Госспирта и вино-гастрономических и т. д.

Как же не выпить и не помолиться, не помолиться и не выпить добром человеку? Так он и делает—замоскворечанин старого закала, пашеник и металлист, кожевник и ткач. И если церковь уже поменьше «выходит из моды», вытесняемая клубом, читальней, кино, теат-

сколько именно получается прогулов из-за пивки, а сколько из-за чего другого. К тому же, ведь, это так обычно: один больше пьет, другие меньше—в«елос вроде коросты, и глаз не очень колет.

Все-таки с Валетовым иначе вышло. Бела: дельный бы, паренек, да здорово выпивал, бузил до того, что из комсомола выскочил. Кто знает, как бы повернулось, но уж велики драматуржком—не узнать стало Валетова, хоть и не сразу отстал от хлебного. Выдвинули в правление клуба—больше того ушел в работу. Глядишь, в партию подал.

Вопрос серьезный:

— Как у тебя с

белой головкой?

— Ни с белой,

ни с красной.

— Верно?

— Верно!

Не трудное дело

проверить: у всех

на глазах. Приняли—жалеть не пришло.

Попел Валетов

и дальше по

культработе, зав-

клубом пробыл два

года и вполне себя

оправдал.

Значит, можно

культурой водку

бить?

Тяжелая вспашка

В Замосквореч-

ском наркомиспан-

сере висит стенига-

зета. В стенигазете

громовый клич:

Опять от нас жут

Опять всех алгосм

Тварича на баррикад

Против дурмана тавных сил

На баррикадах, мюны,

на дегни

На баррикадах посорей!

Не то, поля в дурман сети,

Промлет сней своих летей...

Расчет от водки хулиганство.

Остановись! Куда ты прешь!

Мы не допустим, это хамство!

На баррикадах, молодежь!

И так далее. Стихи—в порядке общественной нагрузки!

Таких случаев, чтобы отцы пропинали своих детей, на «Труженике», пожалуй, не слышать было, но последние детские штанишки и рубашонки—приваивают вернее, последние деньги на одежду и обувь, кося у жен выдирают. Мало ли что еще. Молодому легче—и с молодым легче. А вот поди-ка, выкоруй старые пни. Корчевать нужно, ребята это понимали, но как за дело взялись, не знали. Правда, кроме разговора на собраниях, изредка устраивались в клубе лекции и беседы, присылал районный санпросвет небольшую выставку, но все это сколько-нибудь поверку.

Настоящий поход начался с прошлой осени. Ходил по заводу, зудил и подзу-

Вот когда человек становится прогульщиком, когда он способен на любую поступок.

ром, общественной работой, то пивная и тайный шинок еще вдоволь куражатся.

Как быть и чем быть

Кожевники—не хуже других. Кожевники—рабочие и Кожевники—район между Саратовским вокзалом и Спасским мостом. У них тоже «душа, что рыба—плавать хочет». А если хочет, то плавать: ведь, две полочки в месяц. И хоть в самих Кожевниках водкой торгуют больше шинкари, а зато вокруг вокзала или немного поальше—у Зацепского рынка—только плати: напоят и уложат под забором «на казенном основании». Значит, все в порядке.

Верно, и на заводе «Труженик» так считали. По крайней мере, по прошлой осени мало эти интересовались. Поговорили, понятию, и на производственных совещаниях и на общих собраниях: прогулы, мол, простои и тому подобное. Но, ведь, особо точно никто не учитывал,

¹ Парк культуры и отдыха в Москве.

живал рабочий-партиец Куропатский. Еще с весны сколотил он на «Труженике» антиалкогольную ячейку, куда вошли и несколько комсомольцев. А потом ходил и точил, точил и добил, точно капля в камень, собирал по пятерке, по десятку рабочих.

— Значит, так и нужно по-вашему? Как получка, так сотня прогулов? Это что же — на чужого дядю, на фабриканта, на врага работам? А жену, детей учевать, из дому пропавать, заровье губить, мебель на посулу ломать, свиней под забором валять — какая честь?

И пойдет, и пойдет. Почва была подготовлена: о производительности труда, о трудовой дисциплине, о культурной революции много было разговоров, и ячейка стала расти. Почти наполовину в нее вошла молодежь. А к середине зимы комсомольская ячейка — 50 человек с лишним — постановила целиком войти в антиалкогольное общество.

Клуб на "помощь"

Валетова теперь не нужно убеждать: он и сам превратился в надежного воюку против пьянки. Правление включило борьбу с алкоголем в план клубной работы, а каждый месяц хорошо посещающий клуб шумел вопросами и ответами, разговорами и спорами. Но особенно памяты остались заводу несколько мартовских дней.

Восемьсот рабочих и служащих готовились к перевыборам советов. Вокруг перевыборов вертелись толки и мысли. И вот в день предвыборного собрания, когда кончалась работа в цехах, пестрая и длинная лента ребят влилась во двор завода с горном, с барабаном, с яркими лозунгами.

Взобравшись на трибуну предвыборного собрания, председатель отряда прочел дополнение к наказу, требуя от имени 300 ребят:

... закрыть пивную у Задского рынка;

... прекратить продажу пива в столовой близ Саратовского вокзала;

... прекращения продажи спиртных напитков малолетним;

... принудительного лечения алкоголиков;

... уменьшить количество пивных около школ и фабрик;

... обязать МСПО... вместо закрытых пивных и лавок Центроспирта, открыты в Москве в этом году не менее сотни безалкогольных культурных чайных, закусокных с музыкой и эстрадой;

... обратить в парк рабочего отдыха Сокольники и Измайловский зверинец, обеспечив в них безопасность, порядок, искоренение алкогольных напитков...

И много чего другого, что заставляло работниц-матерей широко улыбаться от удовольствия, а понурых пьяниц в тот день, конечно, трезвых, — как-то странно поматывать головами.

Через три недели половина антиалкогольной ячейки выступала в набитом до отказа

клубе в новых ролях. Шел агитсуд над проглыщиком-мастером, который втянул с собою в пьянку и безделье своего помощника Васильева. Ребята выступали членами суда, защищали, обвиняли, давали свидетельские показания. И, словно по заказу, на второй же вечер приехала в клуб выездная сессия районного нарсоуда — уже по настоящему уголовному делу. Сам закладного пьянчужки Сметаникова, работающего на «Труженике», острой бритвой распорол, по наговору отца, живет другому рабочему, соселу по общежитию, и нанес ему семь ран.

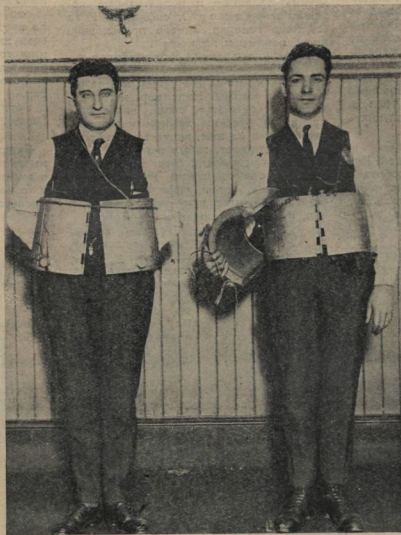
Сильно встряхнулся завод.

Присели отдохнуть

За год — первые достижения. В антиалкогольной ячейке 90 с лишним человек (самое сильное на заводе добровольное общество). Из них «твердых» — человек восемьдесят.

Комсомольцы не пьют; с остальной молодежью тоже довольно тихо; старшие уже не являются на завод в нетрезвом виде — стали стыдиться, а было несколько человек «матерых» — поувяляли.

Кое-кто лечится от пьянства, кое-кто сам переломил себя и бросил пить.

Полные баки — один из многочисленных примеров того, какими «техническими» усовершенствованиями обходится сухой закон в САСШ.

В противоалкогольном музее Ленинградского здравоохранения. На фото — уголок маятков, иллюстрирующих проникновение пьянки в такие моменты рабочего быта, как брак, рождение, прогулки, охота.

Количество прогулов за первую половину 1929 г. упало по сравнению с первой половиной прошлого года: по пьянству в полтора раза; по неуважительным причинам (где имеются, наверняка, неучтенные «пьяные» прогулы — впятеры). К лету организована дружина по борьбе с шинкарством, куда вошли четыре комсомольца — бюро антиалкогольной ячейки.

Поет и рассказывает широкая, черная глотка в зеленом теинстом садике. К буфету очередь, за столами закусывают.

— Так как же, Чернов, у вас больше пятидесяти комсомольцев, а в обществе нет и сорока. Ведь, постановление было вступить поголовно.

— Да, мне записывались, а потом уклоняются, не платят.

— Ну, а как же в цехах — агитируете, спорите со стариками?

Миньковский мнется. Секретарь комсомольской ячейки Бедин жалуется:

— Совсем другое стало. Раньше такой пол'ем был, а как олять разрешили торговлю по праздникам, у ребят и руки опустились.

Вот так-так. Выходит, хорошо по гладкой дорожке кататься.

— Отчитывались ребята на ячейке в своей антиалкогольной работе?

— Нет, ни разу.

— Что же, осеннего дождичка ждете?

Чернов улыбается той же светлой улыбкой.

В БУРЯТИИ

Очерк и рисунки ВАС. БЕЛЯЕВА

Хамбо-лама. Таких паразитов Бурятия насчитывает до 10% всего своего населения.

Бурятский мальчик.

ТРОЙКА цвета воронова крыла несла нас по каменистому подножию горы на вершину, к «ОВО» — месту поклонения горным духам. Нас! Пандиту Хамболу (знающего пять наук, высшего духовного главу — председателя духовного совета Бурятии) и пишущего эти строки.

Чуть не в 1/4 тонны веса патриарх ламайской церкви (ветвь буддизма) был зашит в шелка и заткан в парчу: китайские драконы причудливо разбросались по шелку. Легкая деревянная, но вызолоченная тигра-шапка восседала на иссиня-красной бычьей голове патриарха. Отлакированная и блестящая, она разбрасывала снопы солнечных отражений и слепила глаза. Дорожное тело лама занимало 4/5 сиденья экипажа. На козлах — лама (священник), на запятках — «лакен» лама.

«ОВО». Груды собранных камней. Род шалаша из составленных конусообразно молодых деревьев. Посредине — жертвенный столик с одами — жертвами от земли, воды и воздуха.

Какие-то «именные» Будды, но молящихся, не знаю, было ли человек десять или на единицу больше.

Обливающий потом, спасаемый от солнца раскрытым над его головой зонтом Хамбо-лама, сидя по-азиатски, совершает «молебен». Скользя в его руках четки, льется тихое завывание молитвы, замерло в зное полотно знамени.

Подняв желтенькие мордочки, прислуживают зумбры. Я рисую.

Пухлые пальцы «патриарха» отбирают у меня коробку «Осама» (цветные японские карандаши), складывают в альбом бумагу и властно-хитро, хитро-дружески усаживают лицом к барану и восточным «праностям»: «молебен» кончился...

Возвращаемся вниз, в долину, в Гусинозерскую степь. Плавают в лазурной чистоте китайско-пошибные лопочки кровель дацана с золотыми бичуками и булавами. Расплавленным серебром жарко дышит Гусиное озеро.

О, Хамбо-лама гостеприимен! Расчетливо-хитрое радушие сочетается у него, как и у всего буддийского духовенства, с лаской детства и утонченной дипломатией: он обижается при попытке «ездить» за кров и стол: я — гость. На его стол по революции бурят-скотовод возносил «за требу» от 20 до 80 голов. Теперь этого количества нет, но принцип остался. Осталась и тибетская медицина, ключом которой владеет и Хамбо. Его «задачки» — травяные и корнертавные порошки лечат даже от... сифилиса! И за это тоже горюар. Таково происхождение баранины и пряностей.

В зрелые времена бурят уступал по летнему гостю — ламае — собственную жену или дочь на ночь. Не чужды аскетам и плутни и обманы. Например, лама, великолепно «понимать», лама, владеющий прекрасным русским языком и говорящий с вами на нем, вдруг заявляет, что он «не понимает, забыл язык»...

Одни из ургинских богдо-гегенов (живых богов, воплощений Будды) умер, оказывается, от... сифилиса, другой «святитель» (набранги геген) пьянствовал, стрелял по людям из винтовок.

Таких паразитов, кушающих, молящихся и спящих, Бурятия насчитывает до 10% всего своего населения! И царство их! еще никакого не видится кончал.

Не лишены интереса основные положения ламской медицины и космогонии. Так, анатомия человека, «если верить» тибетским ученым, состоит из: «сердца, легких, печени и селезенки; 360 сухих и кровеносных жил, соединенных узлами у горла, плука и крестца».

А «космогонические их прозрения» таковы: «Первый

человек «Манлаа» сотворен из лакину. Будда разрешил ему взять «ракши» (жену) для размножения. Чья же ладонь «родила» Манлау — остается не известным. Солнце, по данным священной книги «Ганьджур-Данжур» — состоит из огненного хрустала; его диаметр — около 360 километров и 1 100 километров по кругу. Движение его происходит от воздуха. Луна же, оказывается, из волянистого хрустала. Землетрясение производят лягушки, на брюхе которой лежит средоточие вселенной — святая гора Сунбер.

Вот, читатель, а вы, бедный, и не знаете, что мир лежит на брюхе лягушки!

Буддизм торжественен и пышен. Он имеет великодушный божественный багет в виде праздника «Цам» — заклинания и сожжения аллегорического «Сора», прообраза врагов буддизма. По существу уже никто не верит в эту галиматью, и

Бурятки-комсомолки из агинского аймака — Муниева Жиргали и Аюшиева Циденкой.

„Саган Цгубун“ — белый старик, по-лукомический персонаж Цам'а.

сами бурята совершенно не понимают цели и смысла «Дам'а», но, надевая лучшие свои костюмы, кораллы, стоящие пять-десять быков, они съезжаются за сотни километров—поглядеть, поразвлекаться...

Под знойным солнцем в течение всего дня «живые боги», зашитые в прекрасные китайские костюмы, в масках чудных ритмически, парами и всем «плеуномом» совершают священные танцы под звуки «ухарь-бурэ» (труба, ревушая небесным слогом, несколько метров длины) и «гамима» (труба—режущих райскими конами, которые перевозят правлеников с земли на небо,—медных с бердовыми костюми человека по середине).

Совпартишкольцы г. Верхнеудинска—народ живой и веселый. Посмотрите, например, на двух комсомолок, рисунок которых приводится выше: одна из них комически серьезна, так как не хочет рассмеяться и сдерживает себя, а другая задорно смеется все те немногие минуты, которые потребовались для рисунка. Жизнь бьет ключом! Не то, что у школастов лам, созерцающих «божественную нирвану». Обе они—кандидатки ВКП (б). Они уже знают и другие—и биологические, и политико-экономические законы жизни, невели те, что знает дряблый ламаизм. Поэтому они веселы: «Какая хорошая эта жизнь, какая умная и красивая!.. Красивая, как сам Байнал, как белый барашек неба, прачущийся в седых вершинках Саян от своих братьев—барашков степных... Красивая, как сама Селенга (река), среди гор!».

О радости «моих» комсомолок поет в своих стихах и комсомольский поэт-бурят Мунка Сарьяк:

Ах, хорошо шевель веселым,
В глазах прыгает слезинка...
Всю жизнь стелла комсомолу,
Звездоку путевлягия—КИМ...
Наш возраст вальсирует веселый,
Мы время мир весь покорить...
Любовь обратник комсомолки
Украсит нас и ободрит.

Сарьяк не один. Вчерашняя безграмотная Бурятия ныне выращивает целую плеяду молодых поэтов, активно участвующих в новой жизни. Назовем такого, скажем, окрепшего и значительного для Бурятии поэта, как Солбоңе Туя. Есть и другие. За последние же годы в республике сформировался здоровый и многообещающий кадр художников, в числе которых первое место занимает Церенжап Сампилов.

Бурятская молодежь, которую в царской России считали неспособной к усвоению грамоты,—теперь уже не ограничивается бурсопартшколой. Вузы и втузы городов Сибири, Москвы и Ленинграда—свидетели успехов бурят... Вот почему смеются мои комсомолки...

В Бурятии теперь пробудилось самосознание самых широчайших масс, в Бурятии теперь строится целая сеть школ и техникумов, проводится ирригация, создаются агробасы, племхозы, всеозначного значения акц. об-во «Ошцевод», создаются коммуны, прокладываются новые дороги, растут больницы, поднимают к Саянским хребтам свои головы и заглушают ропот тайги кирпичные горла фабрик и заводов. Молодые дамы («куварки») бегут из дацанов. Бегут в школы, на производство... Так обновляется жизнь...

КОМНАТЫ

Интересный опыт ленинградцев. Макет комнаты активиста...

ПЛАВИТСЯ ЖИЗНЬ

От нашего ленинградского корреспондента

НЕДАВНО я прочел дневник. В сшитой из девяти тетрадей папке, словно в лавке антиквара, собраны кадры, эпизоды—собрана жизнь. Жизнь молодой работницы, комсомолки, которая не знает, не имеет детства, которая начала жить вместе с революцией.

Четыре года прошло с тех пор, как августовским утром Надежда (ею написан этот дневник) пришла в Ленинград. Два месяца Надя ходила в поисках работы. Слово на экране, мимо нее мелькали люди,—грохотали автобусы.

Никто не видел, не замечал упрямую девочку, для которой мир за последние время состоял из одного слова: «фабрика».

И добилась. Осенью, с очередным набором, Надя стала работать на «Халтуринке».

Я не знаю Натю Логинову, но, прочитав внимательно все записанное ею на девяти тетрадях, я познакомился и с Надей и с ее соседками по пеху; я узнал многих девушек, не имевших детства, которые начали жить с революцией.

КОМНАТЫ

... и макет комнаты мещанина на бытовой конференции Центрально-Городского района в Ленинграде.

Один из экспонатов Ленинградской бытовой конференции: естол—Авгиевы конюшни.

«...14 апреля. Сегодня в цеху организовалась ударная группа. Я тоже ударница. 19 апреля. Урал Я вместе с Лелькой снизила за 4 дня брак на 7%».

4 мая. Надело мне этот дневник. Все записывая, да записывая. Ну, ладно уж, постарайся до отпуску аккуратно записывать. Все-таки потом интересно прочесть самой. Да, совсем забыла, ведь, я начала пудриться. Это почему же? Алексею хочу понравиться? Вот, дура-то, разве дело в пудре? А все-таки пудриться, гулю как-то...

11 мая. Все надоело. Скучно... Как это у Есенина:

В твой явни умираю не нов,
Но и жить, конечно, не исей.

Фу, дуреха, о смерти начала думать. Зачеркнуть эту запись? Нет, пусть сохранится, вспомню как-нибудь о своих настроениях.

17 мая. Скоро бытовая районная конференция. У нас на фабрике здорово к ней готовятся. Обследования проводят, совещания, беседы. Меня это очень заинтересовало. Гучева сказала, что все желающие могут быть на конференции. Непременно поеду.

18 мая. Читала «Натку Мичурину». По-моему... ах, уже пора идти на собрание. Сегодня стоит вопрос о взаимоотношениях ребят с девушками. Я считаю... ладно, завтра допишу.

19 мая. А все-таки я с Зинкой не согласна. Да и большинство девачат, по-моему, неправы. Всегда ли виноват только парень? Почему это девачата делают из себя таких беззащитных? Нужно быть человеком, вот, человеком нужно быть, а то... да ну их.

20 мая. Хм-м! Я чуть не расплакалась от обиды. Вот хамы-то. Уж очень мерзко получилось.

24 мая. Как же это так? Нет, нет, я просто дуреха...

Мать прислала письмо. Просит в отпуску приехать домой. А я хотела с ребятами на коллективную дачу. Подумаю. Завтра бытовая конференция...

Надежда Логинова не сдержала своего слова—она закончила свой дневник еще до отпуску. 24 мая—последняя дата в ее записях. Накануне бытовой конференции Центрально-Городского района она

прекратила фиксировать свои мысли, настроения, переживания, чувства. Я узнал Наю на бытовой конференции. Мы разговорились случайно в кулуарах. Когда речь зашла о дневниках, Надя хитро спросила меня:

— А как, потвоему, стоит комсомолкам вести дневник?

Позорного здесь ничего нет,—ответила я,—смотри что записывать.

— Я все записывала. ...Она ни за что не соглашалась показывать свои девять тетрадей.

— Писать будешь? — Буду. Вот видишь, кому это интересно читать то, что я написала?

Пришлось убеждать ее еще с полчаса. Согласилась. Но поставила условия.

— Имя и фамилию придумаю сам, ладно?

— Ладно. Поэтому, не ищите халтурниц, в ватерном цеху Надежду Логинову. Имя и фамилию я придумал. Разве фамилия меняет человека?!

И вот, прочитав внимательно девять исписанных Надей тетрадей, я, побеседовав с Надеждой (будем ее называть, все же, Надеждой) всего лишь несколько часов, очень хорошо узнал ее.

Разве она одна такая у нас в комсомоле, с такими мыслями, настроениями? В дневнике Логиновой, в кулках, в ломтиках ее чувств—Я и Коллектив, Коллектив и Я. В записях Нади очень много типичного для таких, как она.

В случайную минуту случайной тоски Надя обращается к поэзии Есенина. Она нашла у него близкие строчки. Организованная бригада молодежи—крупный этап в ее жизни. Употребление пудры заставлял Надежду делать вывод: для чего это? Ее волнует, возмущает утверждение большинства девачек в такой мутячей проблеме—взаимоотношение с ребятами. Она серьезно, критически относится к прочитанным книгам.

Вот он, комплекс чувств, переживаний, который составляет ее мировоззрение, ее быт, быт многих, ей подобных.

Сотни Логиновых принимали большое участие в большой подготовке к бытовой конференции ЦГР в Ленинграде. Они рассказывали о себе, друг о друге, они знакомились с тем, как живут их товарищи по цеху, по ячеек, плохое и хорошее выносили на коллективное обсуждение. Они горячо спорили, бранились и снова мирились. Самое оскорненное, самое интимное перестало быть тайным.

Комсомолец Селиванов делал на пленуме комсомольской ячейки Смольного доклад. Он говорил о себе. Как живет, как реформирует быт, относится к жене, воспитывает ребенка. Селиванов пытается жить по-новому. У Селиванова огромное желание выкорчевать из быта старое. Но порой дело выходит почти до либерии. Чтоб отучиться от ругани,

от резких выражений, они с женой решили брать друг с друга штраф за каждое произнесенное ругательство—50 коп. в пользу ребенка.

В Ленинградгосторге было собрание замужних комсомолок. И доклад и прения: были необычными—биографическими. Говорили много, долго, открыто, и кроме того, что здесь советовались, как лучше жить, переставить взаимоотношения, воспитывать детей—собрание вынесло практические предложения: откормить ясли для детей комсомольцев, работающих до 9 часов вечера, забыть в вопросе об открытии на Ленинградгосторге детской комнаты на время занятий, поручить агитпропу коллектива поехать на завод «Электросила» и договориться с фабриком о направлении мужа товарища В. в наркомдиспансер для принудительного лечения, провести беседу о дружбе и товариществе. Польза от таких собраний очевидна.

Комсомолыцы Города выработали бытовой конференции наказы: внем 12 пунктов: «Молодой Гвардии» издавать технические книги, Очаковскую церковь закрыть, отдать это помещение под клуб трампарку им. Смирнова, добиться постановлений Ленинградсовета о закрытии танцклассов, организовать образовую столовую в районе, добиться открытия комсомольского кафе... о турнisme, о жилищфонде, о турнisme, о быте.

Передо мной огромная кля протоколов, стенограмм, наказов, заметок, вырезок. В них отражение колоссального труда—подготовки к культурно-бытовой конференции Центрально-Городского района. В этих документах жизнь многих Логиновых, молодых растущих строителей.

Комсомолыцы Центрально-Городского района удачно повторили блестящий эксперимент выборцев. 25—26 мая, после долгой, хорошей подготовки, работала бытовая конференция ЦГР. 600 человек участников, активных участниц! Это, невзирая на редкие для Ленинграда солнечные дни.

На конференции была устроена выставка, очень остроумно и толково организованная. Там были образцы платя—самого модного заграничного и простого, удобного. Там были замечательные плакаты, демонстрирующие характерные примеры нашего неинтересного отношения к младшим братьям и родителям. Плакаты показывали, к чему полчас приводит липкая оплетка, неуклюжее отношение к товарищам,—плакаты показывали наш быт. Очень интересно на выставке были устроены комнаты: неяркие, мешанина и активиста—какой не должна быть комната—и образовая.

Выставка, повторю, очень толковая, прекрасно дополнила все остальные полные, что было на конференции.

Таким, как Надежда Логинова, стало понятнее, стало яснее, легче жить.

Арх. ПОНЕВЕЖСКИЙ

Но вскоре после этого он снова, о упорством маниака, спросил:

— Почему же нас заперли здесь? — Действительно, это помещение смахивает на тюрьму! — шутивым тоном сказал Жюль. — Но разве ты не понимаешь, что нас посадили сюда для того, чтобы мы были в безопасном месте?

Малолетнему ребенку, в которого обратился теперь этот король шутов, было вполне достаточно этих слов, и он сразу обрел прежнюю самоуверенность.

Вот каким образом Жюль, вдохновленный первым своим безотчетным порывом, посвятил последние часы жизни материнским заботам об этом жалком подобии человека, которому в силу суровых законов правосудия суждено было погибнуть рядом с ним. Он внес в это дело всю ожесточенную страстность своего сердца.

При всей скудности своего разума Мартэн все-таки отдалвал себе отчет в том, что он не сделал ничего дурного, и это в значительной степени утешало последний акт этой размышленной на фоне войны такой ничтожной и в то же время такой грандиозной комедии человеческой жизни.

На следующее утро их весьма торжественно вывели из тюрьмы. Их окружили и куда-то повели.

— Чего ради все эти ребята в парадной форме? — недоверливо спросил Мартэн, почти уже впадая опять в бредовое состояние.

— Ведь, сегодня праздник. Разве ты не видишь? Ослеп ты, что ли?

Мартэн вытаращил глаза.

— Это широчайший парад, дружище! — настаивал Жюль, стараясь говорить самым естественным голосом, чтобы окончательно убедить его.

В поле, перед двумя пикетами, выстроились весь полк, и во главе его полковник и Эккенфельдер, майор-мясник, оба вышвырнутые и возбужденные сознанием прекрасного исполняемого долга.

— Что это они читают?

— Приказ, чорт подери?

— Они говорят о нас. Разве ты не слышишь?

— Ну да, потому что мы с тобой были в большой опасности.

После того как у них с шинелей содрали пуговицы и кусочек сукна, на котором значился номер их полка, Жюль продолжал:

— Ну, вот мы с тобой опять штатские! С войной все покончено, и на этот раз это уже не шутка.

Мартэн был настолько спокоен, что даже заинтересовался равнением и развешиванием войск.

Наконец, их разлучили. Жюль успел еще шепнуть ему:

— Все это делается, чтобы отблагодарить тебя за то, что ты так забавлял этих людей, и Мартэн поверил, потому что это было довольно правдоподобно. Жюль выстузил на сцену первым. Мгновенно вспыхнула длинная полоска молний, и огненное ее дыхание опрокинуло его на землю, как картонного солдатыка.

Кто знает, — быть может, Мартэну в это мгновение открылась сущность войны и человеческой жизни. Но утверждать этого с уверенностью нельзя. Во всяком случае, мгновение это было очень кратко.

Он упал, как камень, брошенный с высоты.

Почти все картины Госенипрома Груани и большинства других национальных кино-организаций до последнего времени строились на шаблонном материале. Замечательная природа наших остров служила лишь фоном, на котором разыгрывались разного рода кровавые страсти. В картинах обычно молчаливо девушку — дочь бедняка — любил то же какой-либо бедняк; девушку выдавали замуж за богатого, и тогда бедняк уходил в горы и «мстить» богатым, угнетавшим народ. Этот простой постановочный реперт настолько приелся, что естественно вывали протесты всей советской общественности. Молодые кино-работники Груани, в частности Н. Шенгелая, доказали, что своеобразный быт нашего народа можно показывать и по-другому, под иным углом зре-

«Быть на чеку для сведения счетов».

ментального показа Востока. В ряде удачно схваченных эпизодов они тонко и наглядно разоблачают бытчик старины, овеянные легендарной романтикой. Смотрист картина с напряжением.

В идеологическом отношении «Молодость побеждает» отличается некоторой поверхностностью, так как такой важный перелом в нескольких населении, как отказ от алды, дан лишь обзорно, без социальной углубленности. Все же эта картина имеет нечет рост молодых сил грузинской кинематографии, и поэтому вполне ее можно тепло приветствовать. Мих. Долгополов.

Варийская курица — виновница вражды.

ния, и в результате появилась «Сельсо» — первая серьезная и кинематографически значительная постановка Госенипрома Груани. Новая фильма той же кино-организации, «Молодость побеждает» заслуживает быть отмеченной перед читателем. Молодой постановочный коллектив (режиссер Белован, оператор Дигмелов) темой этой постановки взял борьбу комсомола с бытчим кровавой мести (алды) на Кавказе. Серьезное бытовое явление, каким является кровавая месть, постановщики «Молодость побеждает» впервые попытались развернуть в плане комедии. И оказалось, что такой подход к теме Горького сильнее бьет по атому бытовому пережитку, обнаруживая всю его нелепость, неясен фильм с самым трагическим сюжетом.

В «Молодости побеждает» показано два адваристических селения, изгнанных враждою из-за... случайно подобитой малышкой курицы. Селения берутся за оружие, проливают кровь. Два рода, прежде дружественных, готовят друг другу кровавые козни и взаимное убийство. Молодые сыновья враждующих родов едут учиться в Тифлис, где комсомольская ячейка доказывает им всю нелепость вражды и примиряет их. На первом занятии вузовых востановившись к себе в селения и после целого ряда приключений примиряют стариков. Действие алды прекращается, и тем самым исключается возможность дальнейшего кровопролития.

Большая заслуга постановщиков данной картины в том, что они опираются на старые традиции славянского и сити-

Прежние друзья — молодые представители враждующих родов.

